

84
П67

КР 1534 988

*Россия. Русь!
Храни себя, храни.*

Поэтический
**АЛЬМАНАХ
ВОЛОГОДСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ-КРАЕВЕДОВ**

Вологда
2021

*Открытый литературно-краеведческий конкурс
«Тихая моя родина»*

Номинация ПРОЗА

Елена БУЛАТОВА
г. Череповец

Родилась в г. Череповце. окончила ВЮЗИ по специальности правоведение,

в 2003 г. – Вологодское духовное училище по специальности катехизатор. Член Российского союза писателей. Занимается редакторской деятельностью и краеведением, в частности, изучением истории политических репрессий в Череповецком крае и историей Череповца.

Автор очерков, составитель и редактор четырех сборников «Мы из XX века. Воспоминания жителей Череповецкого края о политических репрессиях» и ряда краеведческих книг.

МОЯ ЮНОСТЬ ЗВУЧИТ СТИХАМИ РУБЦОВА (ЭССЕ)

То необычно долгое лето, начавшееся теплыми днями еще в мае, осталось памятным на всю жизнь. Вместе с заброшенным на каникулы портфелем куда-то ушло детство. Оно не предупредило заранее и не попрощалось, просто однажды на душе стало грустно и одиноко – так, что захотелось плакать. Но самым удивительным было то, что хотелось продлить эту грусть и одиночество и наслаждаться ими, и думать о них. И никого не хотелось видеть.

Как-то сразу неважными стали прежние занятия и встречи, а одиночество стало желанным и любимым. Грусть сменялась радостным восторгом перед нежным цветком, тихим закатом, птичьей трелью – перед всем живым. Природа не только восхищала, но и ощущалась до боли близкой, своей, родной. Я вглядывалась в то, что меня окружало, и мне казалось, что нет ничего краше нашего маленького уголка.

А лето все длилось и длилось. Стали потребностью почти ежедневные дневниковые записи и муки стихотворства:

... Радуюсь обычному – зелени деревьев,
Радуюсь обычному – радуге полей!
Вот в такие весны нас любит вдохновенье,
И любовь к природе в нас еще сильней.

Радуюсь обычному – песне соловьиной,
Радуюсь обычному – скрипу старых сосен...
Почему зима у нас такая длинная?
Почему так коротко время наших весен?..

И вот тут в моей жизни появился Рубцов. Появился, казалось, случайно. Просто в наших новостройках открылся книжный магазин, и в первые же дни я разглядела там довольно увесистый томик стихов в зеленоватой мягкой обложке, на которой кружились в дивном хороводе листья и журавли. Николай Рубцов – «Подорожники».

И всё. С этих «Подорожников» я буквально заболела его поэзией, почти на каждой странице находя созвучие своим мыслям, своему душевному состоянию. Юношеская восторженность искала выражения в

слове и нашла его в удивительных стихотворных образах вологодского поэта.

Мне было близко его восприятие природы, ведь у Рубцова всё вокруг – живое, одухотворенное, действующее: цветы и травы («приуныли нынче подорожники»), тучи и ветер («вьются над селом»). У него «бурлит овраг», «мерцают лужи», «узорным чистым полотенцем свисает радуга с берез». Читаешь и чувствуешь себя частью удивительного мира, который никогда не откроется нам до конца, до донышка, но к которому мы можем прикоснуться – трепетно и бережно.

Всей душой я ощущала, что это про меня написал Рубцов:

«Взбегу на холм
и упаду
в траву...»

Это же надо мной

«...бессмертных звезд Руси,
Спокойных звезд безбрежное мерцанье...»

(В 16 лет я еще не знала, что такое личностное восприятие говорило не столько о моем поэтическом неопитстве, сколько о высоких достоинствах поэзии, которую мне посчастливилось читать).

Рубцов, как никто, почувствовал нашу русскую душу, до боли сроднившуюся с землей, но все-таки тоскующую по горнему. Поэтому по лугам у него скачут замечательные кони – этот образ вольности, простора, дерзаний, душевного размаха, и улетают в высь журавли, без небесных звуков которых «сиротеет душа и природа».

Мне была понятна и близка рубцовская любовь к родине – не к той необъятной, которую нас научили писать в школе с заглавной буквы, а к маленькой, каждодневной, порой – неказистой, часто – незамечаемо-привычной. К родному месту, знакомому с детства:

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

И такая любовь к малой родине казалась важнее, потому что из малого можно сложить большое, а в большом увидеть малое – почти невозможно.

Вы не поверите, но даже деревня, в которую пришлось мне приехать через год, называлась Никола. Конечно, другая Никола. Но здесь так же, как и у Рубцова, стояли заброшенные храмы, мелькали среди полей накренившиеся колокольни да зарастали травой старые кладбища, до ко-

торых никому не было дела.

И храм старины, удивительный, белоколонный,
Пропал, как виденье, меж этих померкших полей, -
Не жаль мне, не жаль мне растоптанной царской короны,
Но жаль мне, но жаль мне разрушенных белых церквей!..

Эти строки повторяла я всякий раз, проезжая мимо. А через много лет поняла, что и растоптанная корона, и разрушенный храм, и зарастающие могилы предков были явлениями одного порядка. Ошибся Рубцов.

Но самым дорогим у него (причем на всю жизнь) стало стихотворение «В минуты музыки». А то время в нем соединилось всё: юношеская грусть, ожидание встречи и любви, предчувствие горечи грядущих разочарований...

В минуты музыки печальной
Я представляю желтый плес,
И голос женщины прощальный,
И шум порывистых берез,

И первый снег под небом серым
Среди погаснувших полей,
И путь без солнца, путь без веры
Гонимых снегом журавлей...

Не знаю, видел ли Рубцов картину Василия Поленова «Ранний снег», но именно она является для меня лучшей иллюстрацией этих стихов. Просто удивительно, как в данном случае совпали слово и живопись.

О поэзии Рубцова можно думать бесконечно. Собственно, это со мной и происходит уже долгие годы, поскольку стихи никогда не раскрывают себя единожды и навсегда. Настоящая поэзия всегда многоуровневая, и сегодня меня может взволновать совсем не то, что случилось при первой встрече с поэтом в мои 16 лет. Но и сегодня я готова подписаться под каждым словом своего юношеского дневника, на основании которого написано это эссе. Всё, сказанное выше, правда, потому что всё это было со мной. И юность до сих пор звучит в моей памяти стихами Рубцова.